

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени Н.Э.БАУМАНА

«Полный гордого доверия покой»

(М.Ю.Лермонтов):

**император Николай I и политическая
система России в его время (1825-1855)**

*Быть по сему!
1 июля 1830 года.*

У нас в гостях

Максим Михайлович Шевченко, к.и.н.,

доцент кафедры истории России XIX века - начала XX века МГУ им. М.В.Ломоносова

Приглашаем на встречу!

Понедельник в 17.30

zharov_a@inbox.ru

**19
февраля**

Конференц-зал каф. Э4
МГТУ им. Н. Э. Баумана

Лефортовская набережная, дом 1, 3 этаж справа,
дверь номер 312, по коридору до конца.

Историческое значение политической системы императора Николая I: к новой точке зрения .

Опубликовано: 04 января 2011

Автор: Максим Шевченко

россия , николай i , максим шевченко , крымская война , династия романовых

“Никто лучше, как он, не был создан для роли самодержца, его внушительная величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд - все, кончая его улыбкой нисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем. Все отражало в нем незыблемое убеждение в своем призвании”.

А.Ф.Тютчева

Деятельность и жизнь императора России Николая I были настолько масштабны, что ни его современники, ни потомки не сумели дать однозначной оценки, так и не решив до сих пор, кем же он был для России - злым гением или ангелом-хранителем?

Во всяком случае, это была личность выдающаяся и неординарная. Он вззошел на престол, подавив восстание декабристов, и как полагают многие исследователи, этим удержал Россию на краю пропасти кровавого революционного террора, в которую она всё-таки изверглась спустя сто лет в 1917 году. При нем Россия участвовала в Кавказской войне 1817-64 гг, русско-персидской войне 1826-28 гг, русско-турецкой войне 1828-29 гг, Крымской войне 1853-56 гг, при нем была открыта первая железная дорога и создана великая литературная культура, именно тогда засверкали имена А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского и многих других. Также неоднозначны оценки его роли в революциях в Венгрии и Польше. Что определенно, так это то, что в результате подавления шляхетских выступлений, ранее угнетаемое православное большинство населения Белоруссии, получило равные права с католиками и возможность получать образование, чем был остановлен процесс исчезновения белорусов как народа. Именно в царствование Николая I была упразднена церковная Уния, оформилось общественное и научное течение западнорусизма, которое положило начало белорусскому возрождению.

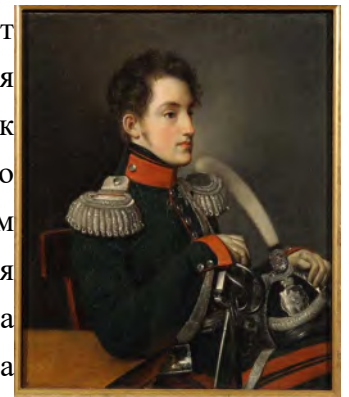
Предлагаем работу кандидата исторических наук, доцента Исторического факультета МГУ имени Ломоносова Максима Шевченко, в которой образ Николая I представлен с иного ракурса, чем того с которого нам ранее представлялся Российский Император либеральной и советской историографией.

Редакция "Западная Русь".

В оценке исторического значения внутренней политики императора Николая I научная литература всегда демонстрировала наибольшее единообразие. Полтора века давления над общественным сознанием категории «прогресса», зародившегося, кстати, тогда же, примерно, в 1840-е годы, поначалу естественным образом склоняли как исследователя, так и просвещенного читателя видеть в русской истории XIX века прежде всего освободительный процесс, которого на долю николаевской эпохи — времени, когда императорская Россия находилась в зените своего величия — приходилось как-то уж слишком мало. И даже тому историку, который мог как-то симпатизировать самому Николаю Павловичу, чем дальше, тем труднее было пытаться сказать что-либо веское в защиту его политики,

сначала, в силу усиливавшейся зависимости от либеральных традиций историографии, а, затем, и превращения последней в часть тоталитарно организованной пропагандистской машины Советского государства. Идеология и политическая практика либерально-эгалитарных преобразований девятнадцатого столетия психологически гораздо ближе нашему времени и, по-прежнему, легче поддается исследованию, нежели полностью отошедшие в прошлое политика и соответствующие ей формы социального поведения, обусловленные нормами традиционного общества. Общественный запрос на некие консервативные ценности сегодня существует. Но его появление то ли парадоксально, то ли закономерно совпало с полным завершением процесса уничтожения традиционной культуры. Теперь можно с уверенностью констатировать, что в России «исторический прогресс» одержал в отрицательном смысле полную и безоговорочную победу. Незначительные остатки традиционных культурных норм и отношений, которые сохранялись в течение XX века, с падением «железного занавеса» исчезли на наших глазах. Теперь с культурой, ценности которой защищали русские консерваторы XIX – начала XX вв. нас уже, по сути, ничто непосредственно не связывает. В этом заключается одно из главных затруднений современного исследователя политической истории России, главная ошибка которого, по-прежнему, вытекает из соблазна менять местами «плюсы» и «минусы». Консервативную составляющую отечественного исторического процесса нельзя сводить к борьбе с либерализмом или социализмом и весьма нелепо изображать теперь как этакую «историю КПСС» наоборот. Она должна быть понята, исходя из ее собственной логики. Яркий исторический пример отечественного консерватизма в действии — николаевская политическая система.

Над ее исторической оценкой или переоценкой особенно заставляют задуматься, конечно, достижения историографии последних двадцати лет (хотя и не только их), среди которых важнейшая роль принадлежит литературе, так или иначе связанной с изучением судеб реформ 1860—1870-х годов. Но до обобщающих работ результаты исследований, посвященных частным вопросам у нас, как правило, не доходят. Наиболее распространенная историческая оценка николаевской системы, обыкновенно, по-прежнему, опирается на следующие представления. Первая половина XIX века была временем «кризиса феодализма» или «кризисом крепостничества» и сохранение крепостного права

недопустимо затрудняло экономический прогресс. Политика Николая I была в общем и целом отражением так называемой «теории официальной народности», автором или основоположником которой был, очевидно, министр народного просвещения С. С. Уваров. Крымская война «показала гнилость и бессилие крепостной России».[1]

Наиболее фундаментальной работой в советской историографии, специально раскрывающей на конкретном историческом материале понятие «кризис феодализма» является труд академика И. Д. Ковальченко «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века», содержащий огромный и не утративший ценности по настоящее время конкретный исторический материал. Но, заинтересованный и добросовестный читатель, вникая в смысл авторского понимания «разложения феодализма», не сможет четко и конкретно уловить, когда, где и каким образом «разложение феодализма» перешло в его «кризис». Производительность крестьянского хозяйства и его связь с рынком уверенно росла. Увеличивалась сфера и масштабы торгово-промышленной деятельности крестьянства. Процессы социального расслоения в среде крепостного крестьянства были умеренны: «... в целом вплоть до отмены крепостного права в соотношении групп не произошло радикальных

сдвигов, и преобладающим в земледельческой деревне оставался средний слой.»[2] Можно добавить, что по расчетам Б. Г. Литвака, в пользу кризиса помещичьего хозяйства не свидетельствовали и масштабы займов, полученных помещиками. Общая стоимость их имущества накануне падения крепостного права составляла, примерно, 2,1 млрд. рублей, а его совокупный долг в 1859 году составлял 425 млн. руб.[3] Вплоть до самой отмены крепостного права на европейском рынке стабильно укреплялись позиции русской сельскохозяйственной продукции. С началом Крымской войны Пруссия, активно занимаясь ее реэкспортом в Англию, увеличила в 1854 г. ввоз из России сала почти в 5 раз, конопли - более чем в 10 раз, льна - более чем в 2,5 раза.[4] Позволительно спросить, и как же долго могла бы еще таким образом «разлагаться» крепостная экономика? Отсутствие убедительного ответа на этот вопрос в труде крупного ученого позволяет предположить, что тезис о «кризисе феодализма» у И. Д. Ковальченко изначально не подлежал критическому переосмыслению по идеологическим причинам. А, следовательно, данной работе не удалось разрешить бывший еще в начале XX века спор между А. А. Корниловым и П. Б. Струве о том, насколько, в действительности, отмена крепостного права была обусловлена экономическими причинами.[5] В этом отношении, как представляется, основные историографические итоги XX века довольно удачно подвел английский историк П. Гатрелл. Отмена крепостного права, по его утверждению, сама по себе не привела к порыву в русском сельском хозяйстве. В первые два пореформенных десятилетия, как и в последние два дореформенных, сельскохозяйственное производство в целом продолжало расти теми же темпами за счет преимущественно экстенсивных факторов. Нет оснований для выводов о скачке производительности труда до 1890-х годов. Аналогичная картина наблюдалась и в развитии промышленности. Здесь «десятилетие реформ не обозначило какого-либо качественного перелома... В результате реформы производственные отношения в России не подверглись коренной трансформации». Гораздо большую роль в подготовке качественного скачка сыграл «дух реформы» — само отношение в правительственных сферах к экономике, что выразилось в либерализации торговли, строительстве железных дорог, развитии более современных финансовых институтов.[6] В качестве самого настоящего примера эффективности николаевской системы могут служить результаты управления военными поселениями. Николай I прекратил характерные для эпохи Александра I попытки создать замкнутое военно-земледельческое сословие. Согласно обширным изысканиям К. М. Ячменихина, в результате радикальных преобразований конца 1820—первой половины 1830-х годов военные поселяне были освобождены от строевой службы и превратились, по сути, в крестьян военного ведомства, сблизившись по правовому положению с государственными крестьянами. Проводившаяся администрацией система мер по улучшению землепользования, рационализации хозяйств позволила улучшить их материальное благосостояние и за четверть века сэкономить казне 45,5 млн. рублей. Вплоть до своего упразднения военные поселения сохраняли рентабельность.[7] Состояние экономики, таким образом, само по себе не свидетельствует против николаевской системы. Утверждение, что вольнонаемный труд сам по себе выгоднее барщинного, для реформаторов эпохи императора Александра II был, по сути, не экономически подтвержденным законом, а идейной установкой. При отмене крепостного права, таким образом, гораздо большую роль, чем экономика, играла идеология.

Ее наиболее сплоченные и организованные носители — политическая группировка, известная в научной литературе под именем так называемой либеральной бюрократии[8], — восходили на государственный Олимп и завладевали рычагами правительственной власти в период острой борьбы за направление и характер предстоявших реформ, в период, когда русская образованная общественность проявляла крайне пристрастное отношение ко всему николаевскому наследию. Но, когда эпоха

Великих реформ отошла в прошлое, наступило другое время, и в суждениях самих реформаторов зазвучали иные интонации, другие оценки результатов тридцатилетнего царствования Николая I. Некогда блестящий профессор и самый молодой среди ректоров российских университетов, участвовавший в подготовке отмены крепостного права в Редакционных комиссиях и в подготовке университетского устава 1863 года, некогда один из лучших в России мастеров банковского дела и дальновидный министр финансов Николай Христианович Бунге в начале 1890-х годов в своих «Загробных заметках», вспоминая последние годы николаевского царствования, написал: «...

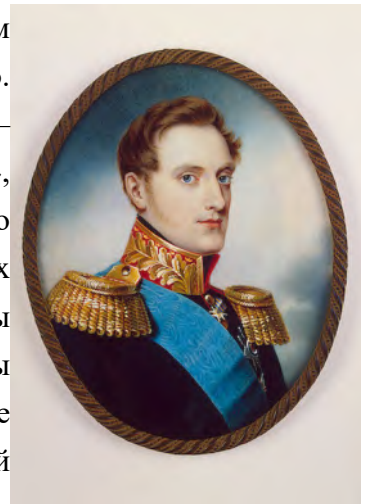
печальные стороны нашей жизни скрывали крупные заслуги Императора Николая, стремившегося поддержать дух порядка, дисциплины...»[9] Преобразователь русской армии Д. А. Милютин, после двадцати лет управления Военным министерством находясь в отставке и работая в 1887–1888 годах над мемуарами, в воспоминаниях вновь возвращался к событиям Крымской войны и общественной атмосфере той поры. Он обнаружил заметную неудовлетворенность скоропалительными суждениями того времени и заговорил о необходимости более объективной оценки николаевского наследия в целом: «Беспристрастная оценка личности и значения Императора Николая, конечно, принадлежит истории. О такой крупной, можно сказать, колоссальной личности можно судить, как о всяком большом предмете, только отступая несколько поодаль... Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер, принимавшихся в царствование Императора Николая, преобладала полицейская точка зрения, то есть забота об охране порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати... Однако ж, при всем этом, было бы несправедливо отрицать громадные успехи, сделанные в это 30-летнее царствование во всех отраслях государственного устройства России; во всем же, что было сделано в этот период, Государю принадлежало личное, непосредственное руководство.»[10] Что-то говорит в этих строках о не полной уверенности Дмитрия Алексеевича в правоте своего собственного двадцатилетнего управления Военным министерством.

Можно сказать, что серьезную погрешность в исходной оценке той военной организации, к реформированию которой Милютин намерен был приступить, содержал уже его всеподданнейший доклад от 15 января 1862 года, содержащий общую программу военных преобразований. Он ошибался в оценках мобилизационных возможностей военных систем континентальных западных держав. До поражения Австрии в войне с Пруссией в 1866 году Франция могла в случае войны увеличить армию мирного времени не более чем на 20 %, [11] а не в 2 раза [12], как уверял Александра II Милютин. Возможность Австрии нарастить численность армии в 2,2 раза также была мнимой. Как показала мобилизация во время австро-итало-французской войны 1859 года, только, примерно, треть из общего числа призванных резервистов была обученной [13]. Отсталость России в действительности была здесь если не спорной, то, как минимум, преувеличенной.

П. А. Зайончковский в своем эпохальном труде о милютинских военных реформах при всем ультраположительном к ним отношении в целом оценил безусловно отрицательно уничтожение такого важного элемента николаевской военной системы как корпусная организация. Введенной Милютиным системе военных округов она не противоречила. Упраздненные по настоянию военного министра

корпуса сформировали только в 1876 году, непосредственно в преддверии войны, из мобилизованных войск и они, по существу, «не смогли занять определенного места в системе организации войск действующей армии». И, таким образом, восстановление корпусов в прежнем своем положительном значении так и не состоялось.[14] Созданный в последнее десятилетие с небольшим цикл работ О. Р. Айрапетова, посвященный проблемам военно-политической истории второй половины XIX—начала XX века, позволяет констатировать ряд органических недостатков пореформенной русской военной организации, просуществовавшей без значительных изменений вплоть до гибели императорской России, недостатков, заложенных в самой концепции реформ Д. А. Милютин.[15] Это, во-первых, невозможность развития в России независимого органа управления и планирования, классическим примером которого был прусско-германский Большой Генеральный штаб. А, как известно, ближе всего к той классической модели Россия подошла именно при Николае I.[16] Во-вторых, засилье административного элемента в ущерб строевому («военная бюрократия») и оторванность военной науки от строевой, повседневной жизни войск. Отсюда следовали непоправимые ошибки в планировании войны, недоразвитость штабного управления крупными войсковыми массами, организационные импровизации на театре войны, ведущие к снижению и потере боеспособности соединений — так называемая «отрядомания». Все эти черты русской военной организации сами по себе не были органически связаны с наличием или отсутствием в России тех или иных социальных или политических институтов.

Наблюдения и выводы О. Р. Айрапетова созвучны суждениям современника П. А. Зайончковского — эмигранта А. А. Керсновского. Упраздняя корпус, писал он, «язву нашей военной системы — «отрядоманию» — Милютин делал нормальным порядком вещей», «Милютин смотрел на ведение боя бюрократически — он совершенно пренебрегал духовной спайкой начальников и подчиненных, взаимным их доверием, рождающимся в живом военном организме за долгие годы совместной службы в мирное время», «положительные результаты милютинских реформ были видны немедленно... Отрицательные же результаты выявлялись лишь постепенно, десятилетие спустя, и с полной отчетливостью сказались уже по уходе Милютин.»[17]

Русско-японская война показала возможности созданной Дмитрием Алексеевичем военно-административной организации, позволившей перебросить полмиллиона войск из европейской части страны на Дальний Восток — решить задачу, подобную которой еще не решала ни одна военная система в мире. Но она же показала и то, к чему вела практика импровизационных штабов[18], увенчавшаяся катастрофой под Мукденом. И под впечатлением войны на Дальнем Востоке в 1909 году Дмитрий Алексеевич пришел-таки к мысли о необходимости воссоздания в русской армии корпусов именно в качестве постоянных воинских соединений мирного времени.[19]

Подытоживая, можно добавить, что в Освободительную войну 1877—1878 гг. русские войска вел высший командный состав, который в подавляющем большинстве, как и генерал Д. А. Милютин, был воспитан и выдвинут еще в николаевскую эпоху. В Маньчжурии в 1904—1905 гг. распоряжался генералитет, сформированный и отобранный военной системой, сложившейся в результате реформ

1860—1870-х гг. Результат в обоих случаях известен — комментарии излишни. Сравнение, как видно, в пользу николаевской военной системы. «Но, как же Крымская война? — скажет недоуменный читатель. — Разве она не доказала несостоятельность военной организации николаевской России?»

Об этой войне и о том, как ее воспринимали современники, следует сказать особо.

Так произошло, что Крымская война потрясла мировоззрение целого поколения. Почти полтора века Россия шла от победы к победе. Все николаевское царствование в высшем эшелоне власти преобладали овеванные славой побед над Наполеоном люди из поколения ветеранов 1812 года, чей высокий моральный авторитет был умело использован для воспитания следующей за ними молодежи в духе безграничного доверия к власти. Последняя, требуя именем блага страны полного себе повиновения и преданности не только за страх, но и за совесть, фактически исключала развитие у представителей молодого поколения самостоятельных зрелых суждений о том, каковы естественные пределы мощи империи, какую войну она может выиграть, а какую — нет, что значит для России быть готовой к войне. По справедливому замечанию О. Р. Айрапетова, «воспитывалось поколение, настолько привыкшее к победам, настолько приученное к мысли о военной неуязвимости России, что оно окажется не в состоянии не назвать отступление поражением, а поражение — катастрофой», «у многих в подсознании осталась с детства внушаемая идея о том, что Россия в состоянии воевать один на один с Европой. Если же война проиграна, рассуждало это поколение, то виновата в этом государственная система». Возникшие в годы несчастливой войны «либеральные настроения имели, таким образом, корни в оскорбленном чувстве национальной гордости, в прививаемой годами склонности переоценивать военные ресурсы России. Парадокс состоял в том, что эти настроения были следствием «николаевской» системы ценностей.»[20] Естественно, у бюрократов-реформаторов, таких, как братья Дмитрий и Николай Милютины либерализм был неотделим от стремления к восстановлению величия России.

Русскую общественность события Крымской войны застали в атмосфере «цензурного террора», утвердившегося с конца 1840-х годов. Политические тенденции, заложенные еще в александровскую эпоху, в результате шестнадцати с лишним лет управления С. С. Уваровым ведомством народного просвещения, наконец, стали приносить плоды в виде широкого контингента подданных новой формации — выпускников университетов, пансионов, лицеев, гимназий, присутствие которых дало себя знать и на государственной службе. Этот кадр, испытывая острую потребность в печатном слове и самовыражении, нуждался в известном расширении публичной сферы и общественной перспективе. Император Николай I оказался совершенно к этому не готовым и не смог правильно оценить усилия Уварова, направленные на то, чтобы не отталкивать то новое поколение, не допустить нарастания у него политически опасного для самодержавной России чувства неустрашимости. В результате отставки Уварова и хаотического ужесточения цензуры посредством негласных комитетов учено-литературная общественность полностью лишилась печати как средства самовыражения.[21] Но с началом войны потребность в печатном слове не угасала, а, наоборот, усиливалась. «Несмотря на то, что мысль была в опале, скована цензурой, — вспоминал профессор С. М. Соловьев, — книжки журналов ожидались с нетерпением и прочитывались с жадностью...»[22] Но содержательный уровень печати безнадежно упал. Копившееся с конца 1840-х годов разочарование и уныние выливались теперь в смятение и ожесточение. Всю правительственную систему в этих кругах стали яростно порицать. По воспоминаниям Е. М. Феоктистова, она теперь «оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днем становилась невыносимее; ненависть к Николаю, — добавляет

он, — не имела границ».[23] В дни получения в Петербурге известий о высадке союзников в Крыму фрейлина цесаревны Марии Александровны А. Ф. Тютчева, смотревшая на настроения образованной общественности насколько со стороны, в своем дневнике писала: «В публике один общий крик негодования против правительства, ибо никто не ожидал того, что случилось. Все так привыкли беспрекословно верить в могущество, в силу, в непобедимость России. Говорили себе, что если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, он, по крайней мере, обеспечивает за нами во внешних сношениях и по отношению к Европе престиж могущества и бесспорного политического превосходства.»[24] Иные из учено-литературных кругов в своей критике пошли гораздо дальше. С. М. Соловьев вспоминал о своих чувствах так: «... когда враги явились под Севастополем, мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой — мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение; мы были убеждены, что успех войны затянул бы еще крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные приводили бы нас в трепет». Переживания событий войны в атмосфере «цензурного террора» порождали чисто эмоциональные оценки николаевской системы: «тридцатилетняя ложь», «тридцатилетнее давление всего живого, духовного, подавление народных сил».[25]

Этот гиперкритический пафос не мог не оставаться незамеченным на официальном уровне. Стремление, по-возможности, как-то умиротворить разгоряченные чувства соотечественников, вселить больше равновесия в их души, больше трезвости в их суждения объясняет тот контраст, который ощущается в речи митрополита Московского и Коломенского Филарета, произнесенной 25 марта 1856 года в Чудовом монастыре перед благодарственным молебном о заключении мира, с восприятием завершившейся войны учено-литературной общественностью. «Нельзя равнодушно вспоминать, какие трудности надлежало преодолеть в сей брани российскому воинству, какие тягости должен был понести народ, каким лишениям и страданиям подверглись от врагов наши соотечественники... Но с сими печальными воспоминаниями соединено и утешительное и величественное. Наши воины моря, начав свои подвиги истреблением турецкого флота, когдадолжны были уклоняться от чрезмерно превосходящей морской силы нескольких держав, не только не уступили своих кораблей, но и сделали из них подводное укрепление для защиты пристани и города. Потом соединенные воины моря и суши одиннадцать месяцев победоносно противостояли в Севастополе многочисленнейшим войскам четырех держав и беспримерным донныне разрушительным орудиям. Наконец, хотя и допущены враги работать над оставленными им развалинами для умножения развалин, но в Севастополе стоит донныне русское воинство. На Дальнем Востоке малое укрепление, с горстью людей, отразило морское и сухопутное нападения несравненно сильнейших врагов, по признанию участвовавших в том более молитвой, нежели силой. На западе два сильнейшие флота бесполезно истощали свои усилия против одной крепости, а на другую только смотрели издали. На севере было странное противоборство: с одной стороны военные суда и огнестрельные орудия, с другой — священнослужители и монашествующие, со святыней и молитвою ходящие по стене обители, и несколько человек со слабым и неисправным оружием — и обитель осталась непобежденной, и святыни неприкосновенными. Против России действовали войска четырех держав, в числе сих были сильнейшие в мире. Из держав мирных некоторые были вполне мирны, а

некоторые своим неясным положением уменьшали удобство нашего действия, и сие обращалось в удобство наших врагов. И, несмотря на все сие, в Европе мы не побеждены, а в Азии мы победители. Слава российскому воинству! Благословенна память подвижников Отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство и жизнь!... Впрочем, если происходившая война и представляет на нашей стороне утешительные виды: сие не должно было располагать к желанию, чтобы война продолжалась. Слава Богу, что православно-христианская Россия не была виною начатия войны; и не объявила ее, а приняла объявленную: должно было ей охранить себя, чтобы ни малейшей частию не пала на нее вина продолжения войны. Благодарение Благочестивейшему Государю Императору, охранившему нас от сего, человеколюбиво пощадившему кровь своих и чужих, христиански предпочетшему кроткий мир мстительной взыскательности.»[26]

Крымская война велась Россией в условиях военно-политического противостояния со всей Европой. Военная угроза была практически по всему периметру российских границ. Австрия предъявила России ультиматум, угрожая открыть военные действия. Прусский король, заверяя русского императора в своих самых лучших личных чувствах, не давал гарантий, что не присоединится к его врагам. Швеция заключила с Англией и Францией военный союз. *Это была единственная в Новой и Новейшей истории война, которую Россия вела, будучи без единого союзника в Европе.* Ни одна империя в мире не могла выиграть и никогда не выигрывала войны с коалицией в состоянии политической изоляции со стороны всех остальных Великих держав. Прочная дипломатическая изоляция России предопределила неудачный исход войны. Борьба могла вестись лишь за наименее худшие условия мира.

В литературе обычно говорится о том, что николаевская Россия имела отсталую систему комплектования войск. Но всеобщей воинской повинности, с которой, по обыкновенной логике, связывают на том этапе прогресс в этой области, не было ни у кого из противников России. Как показано в неопубликованном исследовании А. В. Кухарука, при сохранении традиционного названия повинности — рекрутская — в 1830–1840-е годы в России фактически была введена конскрипционная система. Ее полному введению препятствовало крепостное право. Но, тем не менее, она позволила развернуть, несмотря на потери, колоссальную для XIX века армию. На начало 1856 года в действующих войсках числилось 824 генерала, 26 614 офицеров, 1 170 184 нижних чина. В резервных частях состояло 113 генералов, 7 763 офицера, 572 158 нижних чинов. Вместе же с ополчением, по подсчетам Кухарука, под ружье было поставлено более 2 миллионов 300 тысяч человек. Армия мирного времени фактически увеличилась в 2,5 раза, если при этом исключить потери.[27] По расчетам американского исследователя Ф. Кэгана, число мобилизованных достигало 2,5 млн. человек, что составляло более половины мобилизационных возможностей Франции в 1914 году. «Развертывание армии в 2.500.000 человек, — заключает Кэган, — может считаться одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»[28] Оно впечатлит еще более, если учесть, что по планам 1833 года максимально возможной, хотя и практически невероятной, по мнению Николая, была признана численность армии в 1.200.000 человек. Население, подлежащее набору в армию, такими темпами не росло. В 1831 оно составляло 18 млн., в 1856 – 25 млн. человек. Разница в 40%, а не 100%.

После войны в обществе бытовало мнение, затем также перешедшее в историческую литературу, что Россия проиграла союзникам из-за острой нехватки нарезного стрелкового оружия. Но армий полностью им вооруженных тогда не было нигде. Во Франции подавляющая часть пехоты была

вооружена «образцом 1777 г.», в Пруссии в строю по прежнему находился Потсдамский мушкет, принятый на вооружение приблизительно в то же самое время, наиболее распространенное ружье английской армии — «Браун Бесс», появилось в 1730-х годах, продержалось в войсках до Крымской войны, и даже до восстания сипаев 1857–1858 гг. Винтовки новой, усовершенствованной формы, позволяющей использовать пули системы Минье большая часть войск, отправленных в Крым, получили только перед погрузкой на корабли и смогли впервые опробовать их только во время стоянке на Мальте.[29] Во всех армиях, не исключая и России, проходившая в 1840—1850-е гг. модернизация ручного стрелкового оружия приводила скорее к увеличению скорострельности, чем дальноточности. В большой маневренной войне того времени этому придавали гораздо большее значение. Нарезные винтовки, или штуцера, заряжавшиеся с дула, превосходя гладкоствольные ружья в дальности боя, значительно уступали им по скорострельности. Количество же пехотинцев со штуцерами в России почти достигало общего числа легкой пехоты Франции и Австрии вместе взятых. Союзники смогли увеличить в Крыму количество легкой пехоты потому, что их национальные границы для России были неуязвимы. В 1870 году вооруженность всей французской пехоты лучшей, чем у пруссаков, винтовкой Шаспо не помешает Франции быть наголову разгромленной Пруссией.

Технические новшества, пока они осваиваются, часто кажутся на первых порах чудом, от них бывают склонны ждать известное время едва ли волшебных результатов. «Общий голос признавал, — вспоминал Д. А. Милютин, — что результаты Крымской войны могли быть совсем иные, если бы Крым был тогда связан с Москвой железным путем...»[30] Но дело заключалось вовсе не в том, чтобы поскорее накопить побольше войск в Крыму. Ни одна империя в принципе не может быть сильна *сразу на всех* стратегических направлениях. А крымское направление в стратегическом отношении было одним из наименее опасных. Попытка союзников после одиннадцатимесячной борьбы за Севастополь развить успех из Крыма была для них равносильна новой десантной операции с перспективой втянуться в осаду какого-либо другого укрепленного пункта. Наиболее опасным было направление западное. Именно на западной границе Россия должна была держать лучшие воинские соединения и многочисленные резервы. И впоследствии, после создания сети железных дорог пространственная разобщенность потенциальных театров военных действий продолжала оставатьсяотягчающим фактором стратегического положения России.

Известный французский историк конца XIX века в «Дипломатической истории Европы» самый значительный результат Крымской кампании союзников — занятие Севастополя — оценил довольно сдержанно: «... с военной точки зрения победа союзников вовсе не была решающей. Она являлась, главным образом, героическим подвигом, способным дать удовлетворение самолюбию. Русские эвакуировали лишь южную часть города. Они оставили ее в пламени. Они отступили в северную часть, по ту сторону рейда, куда союзный флот не мог даже проникнуть. Казалось весьма трудным вытеснить их оттуда. Последнее усилие истощило и коалицию.» В общем же итоге войны на всех ее театрах к 1856 году «несмотря на ожесточенный и производившийся во многих направлениях штурм, которому подверглась Российская империя, она оставалась еще почти нетронутой.» Противники России, как и она, испытывали финансовый кризис. Государственный долг Франции превысил полтора миллиарда франков. Ее общественное мнение обнаруживало недовольство, полагая, что продолжение войны

отвечает лишь интересам Англии.[31] Общие людские потери Франции в Крыму составили более 30 % армии.[32] Совокупные людские потери стран антирусской коалиции были вполне сопоставимы с потерями России. В Австрии тяжелейший финансовый кризис был вызван только мобилизацией армии, позволявшей угрожать России войной.[33] В отобилизованной австрийской армии умерло от болезней 35 тыс. человек.[34]

Разноречия английской и французской исторических оценок событий Восточной войны примерно пропорциональны расхождениям двух кабинетов в определении ее целей и трениям двух дипломатий в ее продолжение. Крупный английский историк XX века А. Дж. П. Тэйлор, считавший работу А. Дебидура устарелой, итоги борьбы в Крыму счел возможным оценить более оптимистично, хотя ему едва ли удалось избежать признания конечного тупика союзной стратегии: «8 сентября Севастополь пал. Крымская война была выиграна, но союзники, как и прежде, не знали, что делать со своей победой. Они были в затруднении, в каком месте теперь атаковать Россию...»[35] Если исход вооруженной борьбы однозначно ясен, победитель всегда отлично знает, что ему дальше делать. Успехи союзников в Крыму были не настолько впечатляющи, чтобы, например, изменить позицию австрийского генералитета. Вопреки позиции главы ведомства иностранных дел графа К.-Ф. Буоля военные верхи Австрии были решительно против войны с Россией.[36] Очевидно, впечатления, оставленные Русской армией во время Венгерского похода в 1849 году, были сильнее, чем оптимистические доводы британской дипломатии спустя четыре-пять лет.

Итоги войны вызвали в Европе глубокое разочарование. Тэйлор считал даже, что «русское общественное мнение оставалось гораздо более невозмутимым, чем общественное мнение Англии, добившееся отставки правительства Эбердина.» Историк считал, что «после 1856 года Россия... так и не добилась того преобладания, каким она пользовалась в Берлине и Вене до 1854 года.»[37] Однако вряд ли похожий довод в устах членов кабинета тогда смог бы оправдать в глазах английской общественности беспрецедентные потери, понесенные британской армией.[38] Не скрывал своего скепсиса по поводу Парижского мирного договор один из главных инициаторов войны — виконт Г. Дж. Т. Пальмерстон: «Трактат сохранил Россию как огромную державу, способную через несколько лет, когда в результате более мудрой внутренней политики она разовьет свои необъятные естественные богатства, поставить под угрозу крупнейшие европейские интересы.»[39] В чем-то похоже звучит общее заключение об исторических итогах восточного кризиса, сделанное Дебидуром: «Не этих результатов ожидала Европа в начале борьбы. Они не имели ничего общего и с теми, к которым, на взгляд большинства современников, привел Парижский конгресс. Россия казалась побежденной. Но в общем, сопротивляясь врагам, она покрыла себя славой. Она вышла из войны без унижений. Ее территориальные границы были почти сохранены. Короткий период, в течение которого она собиралась с силами и проводила внутренние реформы, позволил ей вскоре возобновить свое движение вперед. Ее исключение из Черного моря оказалось лишь временным стеснением.»[40]

Весьма характерно то, что среди русской образованной общественности по окончании войны между прочим было мнение, что правительство признало поражение преждевременно. «Внутри не было изнеможения, крайней нужды, — утверждал С. М. Соловьев; — новый государь, которого все хотели любить как *нового*, обратясь к этой любви и к патриотизму, непременно вызвал бы громадные силы; война была тяжка для союзников, они жаждали ее прекращения, и решительный тон русского

государя, намерение продолжать войну до честного мира непременно заставили бы их попятиться назад.»[41] Мысль о том, что высшая власть тогда не исчерпала всех возможностей для приведения войны к менее худшему исходу, чем тот, который последовал, не исчезла из общественного сознания и в дальнейшем. «Ум, судивший строго наше беспомощное состояние военной администрации, со смертью Николая, при первой возможности, под влиянием общего... разочарования, направлял все мысли к скорейшему окончанию войны и к заключению мира, и тем самым служил более интересам наших врагов, чем нашим, — писал тогдашний воспитанник Училища правоведения В. П. Мещерский. — А вторая военная сторона эпохи — героизм людей, наоборот, громко свидетельствовал, что со взятием Малахова кургана и по переходе на северную сторону мы можем еще долго держаться, отвергать всякие позорные для России условия мира. Эту духовную сторону тогдашней России очень чутко уразумели наши враги, и ее-то они и боялись...»[42] Есть свидетельства, что до самой Освободительной войны 1877—1878 гг. император Александр II испытывал угрызения совести за то, что в 1856 году преждевременно признал поражение. По рассказу министра иностранных дел князя А.М.Горчакова, переданному его помощником А.Г. Жомини послу в Лондоне барону Ф.И. Бруннову, в 1863 году император открыл «заседание Высочайшего совета» словами: «... “Семь лет тому назад, за этим столом... я подписал Парижский трактат и это было трусостью.” Так как все присутствовавшие, — продолжал рассказчик, — воскликнули от изумления, то государь сильно ударил по столу рукой и сказал: “Это была трусость, и, конечно, больше я этого не сделаю.”»[43]

Отклики современников на кончину Николая I и свидетельства об общественных настроениях показывают, что люди, по выражению Д. А. Милютина, «интеллигентные и передовые» составляли тогда абсолютное меньшинство среди тех, кто сохранял в душе мир с памятью покойного самодержца. [44] Но в руках этого, выражаясь языком А. И. Герцена, «образованного меньшинства» были профессорские кафедры и периодические издания, им внимали аудитории слушателей и читателей, они оставят идейных учеников и последователей, научные и литературные достижения обеспечат им заслуженную известность, они оставят, наконец, яркие и выразительные мемуары. И последующие поколения интеллигенции будут смотреть на николаевскую эпоху *их* глазами. Уже в 1860-е годы найдется по иному пристрастный, но наблюдательный мемуарист, который укажет на эту среду как на основной источник отрицательных оценок Николая I и всей его политики: «Теперь многие думают, что в Николаевское царствование был такой террор, что никто не смел и думать говорить дурно о правительстве. Мнение это пущено литературным народом, на котором тогда лежал гнет цензуры и теми либералами-бюрократами, которые в то время были затерты...»[45]

Таким образом, очевидно, что вопрос о мнимых и действительных причинах поражения России в Крымской войне и по сей день оставляет место для научной дискуссии и дополнительных изысканий. И можно вполне увидеть, что представления об этом современников и действительная картина происшедшего были весьма и весьма не тождественны. Углубление образованного русского человека того времени в эти вопросы, несомненно, вело его к более объективному восприятию сильных и слабых сторон николаевской системы, достижений и упущений той правительственной политики. Оно вело бы к известному снижению накала разгоревшихся общественных страстей

вокруг финала николаевского царствования. И, наоборот, чем более современник склонялся к упрощенному взгляду, по формуле «раз проиграли — все у нас никуда не годится», тем очевиднее его воображению рисовалась ненавистная картина «тридцатилетнего застоя».

Пройдет полтора-два года, и голос, призывающий к взвешенности в суждениях о минувшей войне, наконец, раздастся со страниц первого номера «Военного сборника»: «Нигде однако же не заметно такого увлечения во мнениях, такого раздражительного тона в нападках на прошлое, как у нас... Огорченные последним неуспехом мы не дали себе труда вникнуть в истинные причины неудачи, и все успехи неприятелей наших в последнюю войну приписали превосходству их военного устройства, их оружия и даже тем неважным особенностям строя, которыми они от нас отличались... Могла ли Россия одна бороться против соединенных сил Англии, Франции, Турции, Сардинии, ожидая ежеминутно видеть против себя еще и Швецию и в особенности Австрию...? Сравните население держав, воевавших с нами, с населением России, число войск их с нашими, сравните финансовые средства их, сравните их морские военные флоты с нашими и их купеческие флоты, также бывшие к услугам армий, — и результат сравнения ясно покажет, что другого исхода война не могла иметь, без помощи каких либо непредвидимых случайностей... Рассматривая же общий ход всех сражений прошедшей войны, мы смело можем сказать, что в течение ее и солдат и офицер русский сделали все, что было в силах человеческих... в армии нашей еще не угасли те начала, которые завещал ей Петр Великий, она сохранила столько превосходных качеств, что смело может взглянуть в лицо критике... с уверенностью, что ее достоинства превышают... недостатки...»[46]

Как показала Вторая восточная война 1877—1878 гг., отсутствие крепостного права и наличие сети железных дорог не сделали Россию способной в одиночку, с перспективой политической изоляции противостоять военной коалиции Великих держав. Историографическая традиция до сих пор явно несет на себе отпечаток оценки николаевского наследия общественным мнением 1850-х годов, сделанной сквозь призму «мрачного семилетия» (1848—1855), прочно утвердившейся в исторической памяти интеллигенции второй половины XIX—начала XX века.

С 1870-х годов в ее историческую память закладывается и термин «теория официальной народности», произведенный от выражения А. Н. Пыпина «народность официальная», запечатлевшего в себе его достаточно умозрительную концепцию николаевской политической системы, получившую определенное развитие вплоть до 1990-х гг. Если проследить как воздействовало бытование в литературе конкретного концептуального термина на перспективы изучения внутренней политики самодержавия эпохи Николая I, как сквозь призму тех или иных трактовок «официальной народности» выглядела правительственная политика, можно увидеть следующую характерную особенность.[47]

Если в восприятии историка под данным понятием в одно целое сливается Уваровская триада и консервативная идейность общества, главными выразителями которой выступали М. П. Погодин и С. П. Шевырев, и при этом общее влияние «официальной народности» на русскую общественную мысль признается, как правило, малозначительным, а «народность» из тройственной формулы расценивается как не более, чем казенный национализм, то сам Уваров вполне логично представляется неким заурядным персонажем в истории внутренней политики самодержавия — обычным чиновником-карьеристом, иногда награждаемым оскорбительными эпитетами. Но в работах последнего

времени, впечатляюще расширивших источниковую базу по изучению правительственной политики в области народного просвещения, печати, а также идейных взглядов и деятельности Уварова, среди которых первое место занимает капитальный труд Ф. А. Петрова[48], знаменитый министр предстает как европейски известный ученый, дальновидный политик, выдающийся государственный деятель и организатор науки. И тот факт, что его видение перспектив развития народного образования и печати было далеко не тождественно представлениям императора Николая I[49], вполне согласуется с выводами об идейной самостоятельности Шевырева и Погодина относительно и Уварова, и друг друга, и оценкой их деятельности как особого научного направления, оставившего положительный след в умах и сердцах студенчества[50]. Также становится очевидно, что конкретные тексты, где Уваров раскрывал смысл своей формулы, лозунга (*mot-d'ordre*), как именовал ее он сам, тексты, непосредственно вышедшие из-под пера Уварова и получившие санкцию императора, слишком лапидарны, чтобы притязать на роль какой-то универсальной теории. Они, по существу свидетельствуют, что вопрос о народности министр сознательно оставлял в достаточной мере открытым. «Теория официальной народности» как устоявшееся понятие, таким образом, теряет под собой почву. Его, в таком случае, нельзя вполне отождествить ни с личным мировоззрением Уварова в его эволюции, ни с лозунгом «Православие, Самодержавие (официально — везде именно в таком, а не в ином порядке!), Народность» как фактом внутренней политики самодержавия, ни с консервативными концепциями своеобразия русского исторического пути, возникшими в 1830-е годы, как фактом истории русской общественной мысли. Эти три взаимосвязанные, но не совпадающие явления нуждаются в дальнейшем изучении. Понятие «теория официальной народности» не столько раскрывает, сколько скрадывает или запутывает их смысл. Поэтому представляется назревшим отказ от его дальнейшего употребления в научных исследованиях.

Таким образом, научная добросовестность требует признать, что вопрос об историческом значении политической системы императора Николая I представляется сейчас вновь открытым. Найдется ли у сообщества профессиональных историков достаточно воли дать на него объективный и беспристрастный ответ — покажет время.

[1] Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 20. М., 1961. С. 173.

[2] Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 156.

[3] Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г.: черноземный центр. 1861—1892. М., 1972. С. 380, 384.

[4] Тарле Е.В. Крымская война. М.2003. Т.1. С.57.

[5] См.: Корнилов А. А. Крестьянская реформа. Спб., 1905. Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России XVIII и XIX вв. Б. м., 1913. С. 81—159.

[6] *Готтрелл П.* Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 107—112, 112—113, 123.

[7] См.: *Ячменихин К. М.* Военные поселения в России: (Административно-хозяйственная структура). Дисс. на соискание уч. ст. д. и. н. М. 1993. *Он же.* Военные поселения в России: (История социально-экономического эксперимента). Уфа, 1994. *Он же.* Армия и реформы: военные поселения в политике самодержавия. Чернигов, 2006.

[8] О ее политической программе см.: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984. С. 49—50. *Она же.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 7—8, 14—15, 20—21. *Она же.* Россия на переломе (Самодержавие и реформа 1861—1874) // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 300—301. *Она же.* Самодержавие и реформы в России. 1861—1874 // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. 31—32, 33—39. *Она же.* Крестьянская реформа 1861 г. в исторической перспективе (к проблеме: Россия и Запад — выбор пути развития) // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К. М. Ячменіхіна. Чернігів, 1998. С. 166—177. И др. *Шевырев А. П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 6, 29, 38, 41, 158.

[9] *Бунге Н. Х.* Загробные заметки // Река времен. (Книга истории и культуры.) Кн. 1. М., 1995. С. 207.

[10] *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1843—1856. М., 2000. С. 325—326.

[11] *McElwee W.* The art of war Waterloo to Mons. Lnd. 1974. P. 36, 37, 38, 39, 42—46.

[12] *Зайончковский П. А.* Д. А. Милютин. Биографический очерк // Дневник Д. А. Милютина. Т. 1. М., 1947. С. 25.

[13] *McElwee W.* Op. cit. P. 47—52.

[14] *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860—1870-х годов В России. М., 1952. С. 59, 85, 88, 94, 97, 336, 349.

[15] См.: *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830—1904). Спб., 1998. *Он же.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158—261. *Он же.* «На сопках Маньчжурии...» Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 355—505. *Он же.* Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М., 2006. С. 188—222, 321—345, 477—516.

[16] *Kagan F. W.* The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 22, 28, 32, 102, 103—104. *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». С. 104—105.

[17] *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 180, 193, 264.

[18] *Айрапетов О. Р.* «На сопках Маньчжурии...» Политика, стратегия и тактика России... С. 355—356, 399—405, 408—464.

- [19] См.: *Милютин Д. А.* Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1912. № 30. С. 850–851, 852–853.
- [20] *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Спб., 1998. С. 39–40. *Он же.* Н. Н. Обручев и дело «Военного сборника» (1858 г.) // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации, воспоминания о нем. М., 1998. С. 442–443.
- [21] См. подробнее: *Шевченко М. М.* Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
- [22] *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соч. в 18-и книгах. Кн. XVIII. М., 1995. С. 630.
- [23] *Феоктистов Е. М.* Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 89.
- [24] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 155.
- [25] *Соловьев С. М.* Мои записки... С. 641–642.
- [26] Беседа в день Благовещения Пресвятой Богородицы, пред благодарственным молебствием о заключении мира // Сочинения *Филарета* Митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 5. 1849–1867. М., 1885. С. 365–366, 367.
- [27] *Кухарук А. В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. С. 57–79, 79–82, 182.
- [28] *Kagan F. W.* Op. cit. P. 243.
- [29] *McElwee W.* Op. cit. P. 16, 31.
- [30] *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 428.
- [31] *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 120, 122–123.
- [32] *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование.) М., 1960. С. 99, 291, 352, 354.
- [33] *Rothenberg G. E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 41, 52.
- [34] *Урланис Б. Ц.* Ук. соч. С. 354.
- [35] *Тэйлор А. Дж. II.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 116.
- [36] Там же. С. 103.
- [37] Там же. С. 46, 120.

[38] Людские потери Великобритании в Крымской войне составили общим числом до 23 % от численности воевавшей армии. (*Урланис Б. Ц.* Ук. соч. С. 99, 290–291, 352, 354.)

[39] *Тэйлор А. Дж. П.* Ук. соч. С. 126.

[40] *Дебидур А.* Ук. соч. С. 136.

[41] *Соловьев С. М.* Мои записки... С. 645.

[42] *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 21–22.

[43] *Горяинов С.В.* Босфор и Дарданеллы. Спб., 1907. С. 128—129. *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». С. 158.

[44] См. подробнее: *Шевченко М. М.* Конец одного Величия. С. 196—201.

[45] ОР РГБ. Ф. 325. Картон 1. Ед. хр. 1. Л. 211 об.

[46] Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 1, 2, 6.

[47] См. подробнее: *Шевченко М. М.* Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104.

[48] *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1—4. М., 2002—2003. См. также: *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX века. Спб., 1999.

[49] *Шевченко М. М.* Конец одного Величия. С. 57—121, 216—219.

[50] *Петров Ф. А.* М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. *Он же.* С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999.

Максим Шевченко

**59 ВСТРЕЧА КЛУБА «МВТУ», ПОСВЯЩЕННАЯ ОДНОМУ ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ
МРУЗ – ИМТУ – МГТУ, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I
(19.02.2024)**

19 февраля 2024 года в клубе "МВТУ" состоялась 59 встреча, посвященная одному из основателей МРУЗ – ИМТУ – МГТУ, императору Николаю I, которому 2 марта по новому стилю исполняется 169 лет со дня упокоения.

О личности Николая Павловича, его деятельности, политической системе России и других обстоятельствах в его время рассказал к.и.н., доцент кафедры истории России XIX - нач. XX века МГУ им. М.В. Ломоносова Максим Михайлович Шевченко.

В очередной раз убеждаешься, насколько важно изучать историю, по трудам профессиональных историков, добросовестно работающих с архивами, документами, критическими материалами, а, главное, стремящимися не переkreить историю в пользу кого-то, а ищущими истину.

Личность императора Николая I очень важна в истории России и, надо сказать, во многом обросла лживыми представлениями, мешающими видеть великого государственного деятеля, всей душой преданного России и настоящего христианина.

Ссылка на видеозапись встречи: <https://youtu.be/m-6vzZx13PY>

#МВТУ

ССЫЛКИ НА МАТЕРИАЛЫ
ПО 59 ВСТРЕЧЕ КЛУБА «МВТУ», ПОСВЯЩЕННОЙ ОДНОМУ ИЗ
ОСНОВАТЕЛЕЙ МРУЗ – ИМТУ – МГТУ, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I
(19.02.2024)

- Видеозапись встречи можно увидеть на нашем YouTube канале: <https://youtu.be/m-6vzZx13PY>
- Публикация Максима Михайловича Шевченко об императоре Николае I, вставленная в данный отчет «Историческое значение политической системы императора Николая I: к новой точке зрения» опубликована на ресурсе: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/226-i.html>
- Официальная страница Максима Михайловича Шевченко на сайте МГУ, где на соответствующих местах прикреплены файлы почти всех основных публикаций для свободного скачивания: <https://istina.msu.ru/workers/3250969/>